

Экран и сцена -
1998. - окт.
(~42). - 97.

Н

овый выпуск телевизионно-го цикла Леонида Филатова "Чтобы помнили..." назывался "Наталия" и был посвящен замечательной артистке театра и кино Наталие Вилькиной.

Ирония судьбы, впрочем, не такая уж и редкая: она была уникальной актрисой, но имя Наташи Вилькиной вспомнят сразу разве что завзятые театралы. В кино снималась немного, в последние годы и на подмостках появлялась совсем не так часто, как могла бы, как хотели бы все мы, кто любил ее на протяжении такой короткой, такой яркой жизни.

В передаче о Вилькиной говорили те, кто больше всего имел на это право, кто знал ее лучше всех, кто до сих пор остро чувствует утрату. Режиссер Леонид Хейфец, работавший с ней и в Театре Армии (тогда — Советской), куда Наташа пришла со студенческой скамьи, и в Малом театре. Артист Сергей Шакуров, тоже начинавший свой творческий взлет в стенах здания, выстроенного в форме пятиконечной звезды. Артист и режиссер Александр Вилькин, ошеломляюще похожий на свою сестру каким-то поворотом головы, улыбкой, чертами лица. Актриса Малого театра Алена Охлупина, дочь Наташи, сегодня сидящая в той примерке, где, кажется, еще совсем недавно зажигала лампы на столике и смотрелась в зеркало ее мать. Актриса и режиссер Елена Цыплакова, считающая Вилькину своей крестной матерью. Режиссер Валерий Тодоровский, чей фильм "Любовь" был для Наташи одной из последних работ. Тамара Николаевна — мать Наташи.

Белая нитяная перчатка

Несколько киноэпизодов, фрагменты из замечательного, так давно не повторявшегося по ТВ гончаровского "Обрыва", снятого Леонидом Хейфецом настолько пронзительно и лирично, что на протяжении десятилетий помнится едва ли не каждый кадр; сцены из спектаклей Малого театра "Перед заходом солнца" и "Заговор Фиеско в Генуе" — вот и все, что осталось. Остальная жизнь Наташи — в фотографиях. Они несколько раз на протяжении передачи лентой разворачивались на экране, словно тропинка, ведущая нас по ее короткой жизни. Банально звучит, но, действительно, жизнь эта была короткой и ослепительной, как молния.

Передача была, как всегда, недолгой — 40 минут, за которые ни об одной жизни не расскажешь, сколько ни пытайся. Но не для того ли и придумал Леонид Филатов этот душу выворачивающий наизнанку цикл, чтобы мы вспоминали? Каждый о своем, о чем вспоминается.

Я смотрела на телеэкран, а перед глазами проходило все то, чего в передаче не было и быть не могло: одна из первых ролей Наташи в Театре Советской Армии — Олюня в спектакле по пьесе Веры Пановой "Надежда Милованова". Высокая, хрупкая девочка-подросток с немного подпрыгивающей легкой походкой, низковатым голосом. Прямая, верная, преданная и очень несчастная девочка, которая хочет только одного — найти, наконец, место, где можно остановиться и учиться. Таня в "Двух товарищах" Владимира Войновича — вульгарная девица с особым хриплым говорком, но с каким-то очень по-своему понятным чувством собственного достоинства. Да разве обо всем напишешь? Наташа играла много, упоенно, умно (хотя такое определение, может быть, кому-то покажется странным — но она играла именно умно, потому что была человеком не только наблюдательным и эмоциональным, но тонким и умным).

Я никогда не забуду ее Соню из чеховского "Дяди Вани". И до того давнего спектакля Леонида Хейфеца, и после я множество раз видела в разных сценах чеховскую пьесу, но такой Сони не видела и не увижу больше никогда. В передаче "Чтобы помнили..." прозвучали слова Любоми Ивановны Добржанской, сказанные после премьеры: "Наташа — камертон спектакля" — десятилетия спустя я

понимаю, что для меня без этого камертона нет полноценного "Дяди Вани". Может быть, дело в ушедшем времени. Может быть, в острой молодой памяти. Может быть, в одном из первых потрясений.

А еще были спектакли Малого театра — "Летние прогулки", "Господа Головлевы", "Зыковы", "Долгий день уходит в ночь". А еще были работы в Театре имени Вл. Маяковского, где Наташа проработала какое-то время после того, как ушла из пятиконечного здания, не смирившись с тем, что Леонид Хейфец вынужден был покинуть театр.

Как это все-таки горько, когда уходит талантливый, нереализовавшийся даже наполовину человек, и остаются крохи того, что было сделано. Тогда приходит отчаяние.

Но и о другом вспоминалось. Может быть, о самом дорогом, что с годами осознается иначе — большее и светлее одновременно. Те несколько лет, что разделяли нас с Наташей, заставляли меня, 17-летнюю, смотреть на нее всегда снизу вверх. Не знаю, можно ли было назвать наши отношения дружбой, но в какой-то период мы были очень близки. Потом, как говорится, жизнь развела, но спустя время, незадолго до Наташиного ухода, светла вновь. И я напоминала ей нашу поездку в Ригу, как мы бродили по улицам, по песчаному берегу взморья и говорили о том, о чем так принято и приятно было говорить, "когда деревья были большими" — о смысле жизни, о поэзии, о том, как прекрасно мы проживем свои жизни. Мы обе вели дневники и иногда что-то читали друг другу. В какой-то из дней Наташа прочитала мне фразу, которую я помню с тех пор: "Отчаяние — белая нитяная перчатка. Сорвать ее можно только вместе с кожей".

"А ты еще не до конца выросла", — удивилась Наташа, но ей было приятно, что я помню. Она любила, когда о ней помнили. Может быть, потому, что очень умела чувствовать время — перетекающее, словно песчинки в песочных часах. Может быть, потому, что помнили не всегда.

Семь лет прошло без Наташи. Я выросла за это время "до конца" — теперь я старше, чем она. Но я так и не избавилась от ощущения отчаяния-перчатки. Просто уже не пытаюсь ее срывать. Бесполезно.

Наталия СТАРОСЕЛЬСКАЯ